

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-22-32

Русский вектор японской разведки (1874–1945 гг.)

А.Г. Зорихин

Аннотация. Статья посвящена деятельности разведывательного сообщества Японии в 1874–1945 гг. Основную работу сначала против Российской империи, а затем против Советского Союза вели органы военной и военно-морской разведок Японии. В отдельных случаях агентурной разведкой против нашей страны по заданиям верховного командования японской армии и флота также занимались дипломатические миссии и военная жандармерия. Начало разведывательной деятельности Японии в России датируется 1874–1875 гг., когда в Санкт-Петербург и Владивосток были посланы резиденты от армии и флота. До начала кампании 1904–1905 гг. японская разведка сумела организовать каналы получения достоверной информации о состоянии царского флота и армии, чем во многом обеспечила успех своим вооруженным силам в этой войне. После принятия в 1907 г. «Курса национальной обороны империи» японская военная разведка сосредоточилась на агентурной работе против России, в то время как военно-морская разведка стала вести сбор информации, главным образом, против США и Великобритании. В 1920-х гг. интерес разведорганов армии также переключился на Вооруженные силы и военную промышленность стран Западной Европы и США, однако после оккупации Маньчжурии в 1931–1932 гг. военная разведка вновь сосредоточила усилия на советском направлении. В связи с ужесточением административного, контрразведывательного режимов и режима охраны границы в СССР во второй половине 1930-х гг. значительное развитие в деятельности разведывательного сообщества Японии получил сбор информации средствами радиоразведки и криптоанализа. Во многом благодаря сведениям военной и военно-морской разведок руководство Японии отказалось осенью 1941 г. от планов нападения на СССР. Весной – летом 1945 г. его информировали о предстоящей войне с Советским Союзом. Несмотря на поражение Японии во Второй мировой войне, в середине 1950-х гг. она возобновила деятельность своего разведывательного сообщества.

Ключевые слова: военная разведка, военно-морская разведка, Квантунская армия, советско-японские отношения, Владивосток, Тихоокеанский флот.

Автор: Зорихин Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь. ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зорихин А.Г. Русский вектор японской разведки (1874–1945 гг.) // Японские исследования. 2024. № 4. С. 22–32. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-22-32

The Russian vector of Japanese intelligence activities (1874–1945)

A.G. Zorikhin

Abstract. The article is devoted to the activities of the Japanese intelligence community in 1874–1945. The main work, first, against the Russian Empire, and later against the Soviet Union, was carried out by the army and navy intelligence agencies of the empire. In some cases, diplomatic missions and military gendarmerie were also engaged in secret intelligence against our country following the instructions of the supreme command of the Japanese army and navy. The beginning of Japan’s intelligence activities in Russia dates back to 1874–1875, when residents from the army and navy were sent to Saint Petersburg and Vladivostok. Before the start of the 1904–1905 campaign, Japanese intelligence managed to organize channels for obtaining reliable information about the state of the Tsarist navy and army, which largely ensured the success of its armed forces in this war. After the “Course of the National Defense of the Empire” was adopted in 1907, Japanese army intelligence focused on intelligence work against Russia, while naval intelligence began to collect information mainly focusing on the United States and Great Britain. In the 1920s, the interest of the army intelligence agencies also switched to the armed forces and military industry of Western Europe and the United States, but, after the occupation of Manchuria in 1931–1932, army intelligence focused on the Soviet direction again. Due to the tightening of the administrative, counterintelligence, and border protection regimes in the USSR in the second half of the 1930s, the collection of information by means of radio intelligence and cryptanalysis received significant development in the activities of the Japanese intelligence community. Largely due to information from army and naval intelligence, the Japanese leadership abandoned its plans to attack the USSR in the autumn of 1941 and was informed in the spring and summer of 1945 about the upcoming war with the Soviet Union. Despite Japan’s defeat in World War II, in the mid-1950s, it resumed the activities of its intelligence community.

Keywords: army intelligence, naval intelligence, Kwantung Army, Soviet-Japanese relations, Vladivostok, Pacific Fleet.

Author: *Zorikhin Aleksandr G.*, PhD, independent researcher, Komsomolsk-on-Amur. ORCID: 0000-0001-7361-7237; E-mail: tsunami77@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Zorikhin, A.G. (2024). Russkii vektor yaponskoi razvedki (1874–1945 gg.) [The Russian vector of Japanese intelligence activities (1874–1945)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 4, 22–32. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-4-22-32

Несмотря на поражение во Второй мировой войне и закрепленный в Конституции отказ от права иметь Вооруженные силы, Япония в 1950-х гг. фактически восстановила свои армию и флот, превратив их в одни из сильнейших среди стран региона. Разведывательным обеспечением японских вооруженных сил (Сил самообороны) занимаются несколько органов, которые во многом копируют опыт своих предшественников – военной и военно-морской разведок императорской Японии.

Становление и деятельность японской разведки в 1871–1905 гг.

Разведывательное сообщество этой страны возникло в конце XIX в. в результате реставрации Мэйдзи, которая превратила островное государство в регионального лидера. В июле 1871 г. в составе Штабного бюро Военного министерства была учреждена военная

разведка, а в апреле 1872 г. в рамках только что образованного Военно-морского министерства начало действовать Бюро переводов – прообраз будущей разведслужбы японского флота.

Поиск оптимальной организации военной и военно-морской разведок затянулся на несколько десятилетий. Для этого им пришлось принять участие в японо-китайской войне 1894–1895 гг., которая выявила сильные и слабые стороны разведывательного сообщества Японии. Благодаря добытой военными разведчиками информации военно-политическое руководство империи имело исчерпывающее представление о китайской армии, а деятельность военно-морской разведки в ходе кампании получила высокую оценку командования флота. В то же время отрицательное влияние на деятельность всех разведорганов оказывали их малочисленность и перегруженность исполнением несвойственной разведке задачи организации боевой подготовки сухопутных войск и сил флота.

Возникшее после японо-китайской войны соперничество между Россией и Японией за Маньчжурию и Корею окончательно оформило организацию японского разведывательного сообщества на рубеже XIX–XX вв. Военная разведка после реформы 1899 г. была расщеплена между 1-м (европейско-маньчжурским) и 2-м (азиатским) управлениями Генштаба (ГШ), отвечавшими только за агентурную работу и оперативное планирование, а военно-морская разведка в 1897 г. стала 3-м бюро Морского Генштаба (МГШ), решавшего задачу «сбора информации об иностранных Вооруженных силах, ведения агентурной разведки, перевода и редакционно-издательской деятельности» [Kaigun seido enkaaku 1941, p. 930].

Уже в это время в деятельности разведывательного сообщества Японии четко обозначились основные ее формы и методы, которые активно использовались вплоть до 1945 г. Во-первых, японская разведка действовала в основном с легальных позиций, направляя своих резидентов в страну пребывания под видом сотрудников военных (военно-морских) атташатов при дипломатических миссиях, языковых офицеров-стажеров армии и флота и только в редких случаях под видом коммерсантов или фотографов. Во-вторых, приоритет в вербовке агентов отдавался японским колонистам, проживавшим вокруг объектов разведывательных устремлений, или непосредственно работавших на них. Они, в свою очередь, подыскивали источники информации из числа временно пребывавших в данном районе иностранных граждан и местных жителей. В-третьих, доразведка театров военных действий производилась специально командированными офицерами разведки под видом путешественников. В-четвертых, большой объем информации черпался из открытых источников – газет, журналов, справочников, чьи редакторы не утруждали себя сохранением государственных и военных секретов. В-пятых, военная и военно-морская разведки делегировали часть задач по сбору информации о потенциальных противниках сотрудникам японских дипмиссий, которые в обмен на их финансирование со стороны ГШ и МГШ занимались вербовкой и организацией связи с агентами в интересах императорской армии и флота. И, в-шестых, разведывательное сообщество Японии всегда могло рассчитывать на помощь таких крупных транспортных компаний, как «Мицуи буссан» и «Нихон юсэн», которые располагали филиалами в ведущих странах мира.

Начало разведывательной деятельности Японии против нашей страны датируется 1874 г., когда в Санкт-Петербург на должность младшего секретаря дипломатической миссии прибыл майор Ямамото Киёката, представлявший военную разведку. В 1879 г. он был аккредитован там уже в качестве военного атташе. На Дальнем Востоке первый японский резидент появился в 1875 г. – во Владивосток прибыл лейтенант императорского флота Куроока Татэваки для прохождения официальной стажировки в качестве члена экипажа клипера «Абрек» Сибирской военной флотилии. Спустя 5 лет начала функционировать владивостокская легальная резидентура Генштаба, прикрытием для которой служили японское коммерческое агентство (образовано в 1876 г.) и представительство пароходной компании «Нихон юсэн». Костяк их агентурного аппарата составляли проживавшие в Приамурском крае и вокруг русских военных объектов в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове японские колонисты.

Благодаря проведенной в 1901–1903 гг. работе по укреплению континентальной сети, правительство Японии к началу войны располагало исчерпывающей информацией о русской Тихоокеанской эскадре, царских войсках на Дальнем Востоке и в Южной Маньчжурии, поступавшей от легальных резидентур ГШ и МГШ и дипмиссий в Санкт-Петербурге, Одессе, Владивостоке, Харбине, Чифу, Инкоу, Тяньцзине, Сеуле, Ыйджу, Анджу, Кёнсоне, Порт-Саиде и Лондоне. Уже в ходе боевых действий японские разведорганы оперативно перестроили свою деятельность, привлекли к сотрудничеству значительное число китайских граждан и членов банд хунхузов в Маньчжурии, наладили получение информации о царской армии и флоте от военных ведомств Великобритании, Германии и Швеции, организовали наблюдение за переходом 2-й Тихоокеанской эскадры из европейской части России на Дальний Восток, чем в значительной мере способствовали победе в кампании 1904–1905 гг.

Деятельность японской разведки в межвоенный период и в годы Гражданской войны (1905–1922)

После ее завершения командование Вооруженных сил разработало, а император Японии в апреле 1907 г. утвердил первую в истории государства военную доктрину – «Курс национальной обороны империи». Хотя по инициативе армии наиболее вероятным противником была обозначена Россия, флот, опасавшийся усиления американского военно-морского могущества на Тихом океане, настоял на том, чтобы вторым противником были названы США. С этого момента деятельность японской военной разведки подчинялась сбору разведывательной информации о Российской империи, а в последующем – об СССР, в то время как разведорганы флота были целиком ориентированы на подготовку к войне с Соединенными Штатами.

В 1905–1906 гг. в Южной Маньчжурии и Корее были развернуты две группировки японских войск, ставшие впоследствии Квантунской и Корейской армиями. Их разведслужбы взяли под контроль российское Забайкалье и Дальний Восток, а также Северную Маньчжурию. В Генштабе существовавшие ранее два оперативно-разведывательных управления в 1908 г. были объединены во 2-е (разведывательное) управление, лишившееся функций оперативного планирования. Вплоть до 1918 г. сбор информации против нашей страны велся силами военного атташата при посольстве в Санкт-Петербурге, легальных резидентур в Благовещенске, Владивостоке, Хабаровске, Одессе, многочисленных офицеров-стажеров в европейской части России, а также разведцентром Квантунской армии в Чанчуне и офицерами разведки штаба Корейской армии, которые выводили на Дальний Восток и в Забайкалье маршрутную агентуру из корейцев и китайцев и взаимодействовали с японскими колониями во Владивостоке, Хабаровске, Имане (Дальнереченске), Никольск-Уссурийском (Уссурийске), Чите, Иркутске, Маньчжоули, Цицикаре.

Военно-морская разведка, ставшая еще в январе 1904 г. 3-м отделением МГШ, ограничилась возобновлением работы в 1906 г. военно-морского атташата при японском посольстве в Санкт-Петербурге и периодической отправкой своих офицеров на языковую стажировку в Россию. Сбором информации о Сибирской флотилии в интересах МГШ в 1908–1918 гг. занимался один из младших секретарей японского генерального консульства во Владивостоке. Хотя флот рассматривал в качестве главного противника США, основные усилия военно-морской разведки Японии в межвоенный период были направлены на Великобританию, являвшуюся центром мирового кораблестроения. По неполным сведениям, в 1905–1914 гг. в долгосрочных командировках (от 1 года и больше) в Великобритании под легальным прикрытием побывало не менее 40 офицеров японского флота, в то время как в США – 11, а в России – 4.

Работа японских разведчиков против СССР в период нормализации отношений двух стран (1923–1940)

Первая Мировая война (1914–1918) и Гражданская война в России (1918–1922) оказали существенное влияние на разведывательное сообщество Японии. В 1923 г. руководство страны утвердило обновленный «Курс национальной обороны империи», в котором первостепенной задачей Вооруженных сил определялась подготовка к возможной войне с США. Советский Союз был исключен из списка главных противников, чему, во многом, способствовали плачевное состояние его армии и флота на Дальнем Востоке после Гражданской войны и нормализация отношений между Москвой и Токио в 1923–1925 гг.

Поэтому военная разведка в 1922–1931 гг. сосредоточилась на сборе информации о Вооруженных силах и военной промышленности США, Великобритании, Франции, Германии: еще в декабре 1919 г. «Временный комитет по изучению военных вопросов» Генштаба и Военного министерства пришел к выводу, что ведущие армии мира значительно опередили японскую в применении танков, боевой авиации, пулеметов и отравляющих веществ, а залогом победы в будущей войне станет всеобщая мобилизация людского и промышленного потенциалов¹. Помимо 2-го управления ГШ к разведывательной деятельности на этом направлении с 1925 г. подключились Военно-техническое управление и Управление авиации сухопутных войск, которые самостоятельно командировали за рубеж своих офицеров. В результате вплоть до конца Второй Мировой войны оба ведомства являлись параллельными со 2-м управлением Генштаба информационно-разведывательными органами, поскольку не только имели зарубежных военно-технических резидентов, но и обобщали поступавшую от них и военной разведки информацию в виде докладов и справочников о вооружении, военной и специальной технике, военной промышленности и технологических разработках в оборонной сфере ведущих стран мира.

Согласно сохранившимся документам, из 101 японского офицера (сотрудники военных атташатов, нелегальные резиденты ГШ, войсковые и языковые стажеры, военно-технические резиденты, члены международных организаций), находившегося на разведывательной работе в 13 странах Европы, Северной и Южной Америки в апреле – мае 1929 г., 72 пребывали во Франции, Германии, Великобритании и США, 15 – в Китае, в то время как в СССР, Польше и Турции – только 9². Разведка на советском Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1922 – 1931 гг. велась 6–7 сотрудниками японских военных миссий (ЯВМ) Квантунской и Корейской армий в Харбине, Маньчжоули, Хэйхэ, Пограничной, Яньцзи и Лунцзине, а также взаимодействовавшими с ними отделениями военной жандармерии (*кэмэйтай*) в Северной Корее. В европейской части нашей страны сбором разведывательной информации занимались военные атташаты при японских посольствах в Москве, Варшаве и Анкаре. Большой объем данных о Красной армии Генштаб получал от своих коллег из польской военной разведки.

В свою очередь, итоги Вашингтонской конференции 1922 г., ограничившие японскую военно-морскую мощь, обусловили все возрастающий после ее завершения удельный вес американского направления в деятельности флотской разведки: если в конце декабря 1922 г. в США работало всего 7 резидентов японского флота против 13 в Великобритании и 7 в Германии, то уже через год их стало 10 против 12 в Великобритании и 8 в Германии, а к февралю 1931 г. в Соединенных Штатах находилось 9 офицеров против 8 во Франции, 6 в Германии и 5 в Великобритании. Кроме того, вспыхнувшее в январе 1932 г. шанхайское сражение между японской и китайской армиями с участием императорского флота заставили

---

¹ Национальный архив Японии. Тан-02146100 (А04017276800).

² Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Тюо-гундзи гёсэй соно та-172 (С15120157800). Л. 1046 – 1049; Тюо-сакусэн сидо сонота-22 (С15120064900). Л. 0081.

3-е отделение МГШ направить значительный контингент своих офицеров в резидентуры в Шанхае, Пекине, Нанкине, Ханькоу и Гуанчжоу³. В то же время численность сотрудников военно-морской разведки в СССР в 1925–1941 гг. – военно-морской атташе и его помощник – оставалась неизменной.

Начавшийся в годы первой пятилетки (1928–1932) неуклонный рост Красной армии, особенно впечатливший японцев в результате анализа военной разведкой ее действий во время советско-китайского конфликта 1929 г., и активная политика СССР по превращению Северной Маньчжурии в сферу своего влияния, также нашедшая отражение в докладах Разведуправления ГШ, породили обеспокоенность у руководства Японии. Захват Квантунской армией в сентябре 1931 г. Северной Маньчжурии и образование в следующем году марионеточного государства Маньчжоу-Го вынудили советское правительство начать с января 1932 г. наращивание группировки войск на Дальнем Востоке за счет переброски туда из западных районов страны дополнительных стрелковых дивизий, дальнебомбардировочной авиации, подводных лодок и торпедных катеров. Если по военно-морским силам до 1945 г. советский Тихоокеанский флот (ТОФ) не мог конкурировать с японским, то Особая Краснознаменная Дальневосточная армия и Забайкальский военный округ с 1932 г. кратно превосходили по численности Квантунскую и Корейскую армии, а в 1935 г. сравнялись с сухопутными войсками Японии в целом.

Поэтому 1932 г. стал переломным в организации разведывательной деятельности Японии на советском направлении. Сбор информации о Красной армии и военно-промышленном потенциале СССР стал приоритетной задачей 2-го управления ГШ, хотя Военно-техническое управление и Управление авиации сухопутных войск до мая 1937 г. направляли свои устремления на Вооруженные силы и промышленность США, Великобритании, Франции и Германии.

В 1932–1935 гг. численность зарубежного разведаппарата 2-го управления ГШ Японии под прикрытием военных атташатов и консульств в СССР и приграничных с ним странах выросла с 12 до 25 сотрудников. По договоренности с советским правительством ежегодную войсковую и языковую стажировку в СССР с 1932 г. проходили сначала 3, а потом 6 японских офицеров. Оперативная разведка целиком сосредоточилась в руках Квантунской армии, численность ее ЯВМ увеличилась вчетверо – с 5 сотрудников в августе 1931 г. до 19 в январе 1936 г. Кроме того, в 1932 г. объединение развернуло ряд радиоразведывательных пунктов вдоль советско-маньчжурской границы и с помощью польских специалистов начало чтение советской шифропереписки. В 1934 г. Квантунская армия консолидировала всю белую эмиграцию на северо-востоке Китая под эгидой «Бюро по делам российских эмигрантов» (БРЭМ), в 1936–1938 гг. сформировало на ее базе диверсионно-разведывательный отряд «Асано» для действий на территории Дальнего Востока и Забайкалья. Также японским Генштабом предпринимались попытки сколотить агентурно-диверсионные группы из украинских и кавказских националистов в Европе и на Ближнем Востоке, а в 1937 г. Разведуправление заключило соглашение с абвером о создании к 1941 г. широкой сети разведывательно-диверсионных резидентур в Закавказье, Причерноморье и на Северном Кавказе для уничтожения советских нефтедобывающих предприятий и срыва морских перевозок по Черному морю в начальный период войны.

Несмотря на традиционный приоритет военно-морской разведки в сборе информации о США, она также активизировала свою деятельность на советском направлении: преобразованная в октябре 1933 г. из 3-го отделения в 3-е управление МГШ, разведслужба ВМФ Японии своевременно вскрыла появление во Владивостоке подводных лодок

³ Архив НИИО МНО Японии. 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-25 (С12070284100). Л. 0720 – 0735; 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-30 (С12070290300). Л. 0069 – 0100; 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-50 (С12070330000). Л. 1617 – 1628.

и торпедных катеров, рост советской морской авиации на юге Приморья, поэтому образовала в 1935 г. в Сэйсине специальную резидентуру для наблюдения за главной базой Тихоокеанского флота. В своей деятельности она активно использовала экипажи рыболовных и грузопассажирских судов, ходивших в 1932–1941 г. из Кореи к советскому побережью, оборудовала несколько наблюдательных пунктов на прилегающих к границе высотах, однако не сумела организовать вывод агентуры в Приморье.

Информация сэйсинской резидентуры по ТОФ сопоставлялась с докладами владивостокского генерального консульства, а с 1937–1939 гг. дополнялась сводками радиоразведывательных пунктов флота в Кайбуне, Накаходзё и Сибата и полученными в порядке обмена материалами немецкой военной разведки. Это позволило командованию ВМФ Японии достаточно точно отслеживать изменения боевого состава Тихоокеанского флота и вносить коррективы в ежегодно разрабатываемые МГШ оперативные планы, хотя в оценке советской морской авиации флотская разведка ошибалась как минимум в 2 раза.

Итогом активизации деятельности разведывательного сообщества на советском направлении в первой половине 1930-х гг. стало внесение СССР в перечень главных противников в обновленном «Курсе национальной обороны империи» в июне 1936 г., поскольку наша страна, по мнению высшего руководства Японии, стремилась завоевать мировое господство путем установления диктатуры пролетариата и наращивания военных приготовлений, а также могла помешать Токио в реализации его планов по «превращению [Японии] в стабилизирующую и самую влиятельную силу в Восточной Азии»⁴. Однако, имея достаточное представление о численном и технологическом превосходстве советских Вооруженных сил над японскими, особенно по сухопутным войскам, Токио избрал курс на избегание войны с Москвой при демонстрации неуступчивости по спорным вопросам пограничного размежевания (Хасан в 1938 г. и Халхин-Гол в 1939 г.). Это, в свою очередь, обусловило наступательно-оборонительный характер оперативных планов Вооруженных сил Японии: их сценарии в 1933–1944 гг. сводились к тому, чтобы в начальный период войны сдержать наступление Красной армии в Северной и Западной Маньчжурии, одновременно или затем нанести мощный контрудар по Приморью и после разгрома советских войск в Уссурийском крае перенести центр тяжести боевых действий к предгорьям Хингана, откуда стремительно наступать в Забайкалье.

Во второй половине 1930-х гг. разведывательные органы армии и флота Японии начали испытывать значительные сложности с получением информации о Вооруженных силах, оборонно-промышленном комплексе, социально-экономическом и политическом развитии СССР. Советское правительство значительно ужесточило административный режим на Дальнем Востоке, ввело там пограничные зоны и осуществило в 1932–1935 гг. паспортизацию населения. В 1937 г. из Владивостока были фактически выдвинуты проживавшие там японские граждане, советские корейцы выселены из Приморского края в Среднюю Азию, закрылись японские консульства и действовавшие с их позиций резидентуры ГШ в Одессе, Новосибирске и Хабаровске. Значительное внимание советским руководством было уделено укреплению войск Приморского, Хабаровского и Забайкальского погранокругов НКВД. В результате с 1936 г. фактически была парализована заброска в СССР агентов ЯВМ Квантунской и Корейской армий, а также отделений военной жандармерии в Корее.

В связи с этим разведывательное сообщество Японии (военная, военно-морская разведки, военная жандармерия) были вынуждены искать новые методы получения интересующей их информации. Основной упор был сделан на развитие службы радиоразведки и криптоанализа (дешифровки).

---

⁴ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-10 (С14061005100). Л. 0157 – 0159.

По линии военной разведки 10 марта 1939 г. из состава Разведуправления Генштаба в прямое подчинение образованной после начала японо-китайской войны в ноябре 1937 г. Императорской верховной ставки было передано дешифровальное отделение, которое 14 июля 1943 г. стало Главным разведывательным управлением со штатом в 401 сотрудника. К августу 1945 г. дешифровальная служба японской армии насчитывала уже 2 389 человек только в центральном аппарате. В Квантунской армии существовавшее с 1932 г. малочисленное особое (дешифровальное) отделение 2-го (разведывательного) отдела 1 августа 1938 г. было преобразовано в Специальное информационное управление со штатом 131 человек. К концу Второй Мировой войны оно насчитывало 1 744 сотрудника и контролировало открытый и зашифрованный радиообмен войск Дальневосточного и Забайкальского фронтов силами 7 радиоразведывательных пунктов⁵.

Флот также реорганизовал свою службу радиоразведки и криптоанализа, выделив ее в ноябре 1940 г. из 4-го управления МГШ в самостоятельное особое отделение. К августу 1945 г. центральный аппарат отделения и его радиоразведывательные пункты насчитывали около 4 000 человек [Ariga Tsutao 1994, с. 318]. Контроль радиообмена советского Тихоокеанского флота и пограничных войск на Дальнем Востоке осуществляли 4 радиоразведывательных пункта.

Второй шаг по преодолению кризиса в сборе информации по СССР был сделан за счет налаживания широких контактов с разведорганами ряда европейских стран. После захвата Польши нацистской Германией в сентябре 1939 г. и присоединения прибалтийских государств к СССР японские военные атташе в Финляндии, Швеции, Германии и Румынии взяли под свой контроль польскую и эстонскую разведывательные сети в нашей стране. Кроме того, ими было налажено тесное сотрудничество с дешифровальными службами Германии, Финляндии и Венгрии в области взлома советских шифров.

Тем временем, после начала японо-китайской войны в июле 1937 г. японские армия и флот за два года достаточно быстро оккупировали Северный и Центральный Китай, захватили о. Хайнань, чем резко ограничили поставки вооружения, военной техники и боеприпасов армии Чан Кайши через Гонконг и Гуанчжоувань, вынудив западные страны и Советский Союз осуществлять их, главным образом, через Французский Индокитай (Вьетнам), по Бирманской дороге и через Синьцзян.

Однако окончательно разгромить китайскую армию и склонить Чан Кайши к капитуляции Япония могла только в случае прекращения иностранной военной поддержки Чунцина. 27 июля 1940 г. координационное совещание правительства и Ставки приняло, а император Японии утвердил «Основные принципы урегулирования меняющейся ситуации в мире», в которых закреплялся курс на получение ресурсов Французского Индокитая, Голландской Ост-Индии (Индонезии), французских и бывших германских островов в южной части Тихого океана. С этого времени основной задачей разведорганов японской армии стало наблюдение за состоянием советской группировки войск за Байкалом, отслеживание динамики советско-германских отношений, налаживание контактов с лидерами националистических движений Юго-Восточной и Южной Азии, тогда как военно-морская разведка практически полностью сосредоточилась на сборе информации об американском и английском флотах.

---

⁵ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-1 (С12120966500). Л. 0047; Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-91 (С12121047500). Л. 0854 – 0855.

Противостояние японской разведки и советских спецорганов в 1941–1945 гг.

Хотя японская военная разведка смогла достоверно узнать о подготовке германского нападения на СССР только 5 июня 1941 г., сведения 2-го управления ГШ и 3-го управления МГШ о незначительном ослаблении группировки советских войск за Байкалом в результате перебросок резервов на запад и намерении правительства СССР вести войну до разгрома Третьего рейха легли в основу принятого руководством Японии 3 сентября 1941 г. решения о временном избегании конфликта с Москвой и директивы Ставки Квантунской армии от 3 декабря 1941 г. о переносе сроков нападения на весну.

Зимой 1942 г. военная и военно-морская разведки представили высшему руководству империи доклад об отсутствии перспектив для успешной реализации плана «Кантокуэн» и неблагоприятном развитии обстановки на советско-германском фронте для Третьего рейха, в результате чего 7 марта 1942 г. японское правительство решило перенести сроки нападения на Советский Союз на неопределенное время. В дальнейшем Разведуправление Генштаба практически безошибочно предсказало основные тенденции хода боев на Восточном фронте, а в июле 1943 г. сделало вывод о неминуемом поражении нацистской Германии. Однако разведорганы армии не сумели своевременно вскрыть начавшееся в 1944 г. усиление войск Дальневосточного и Забайкальского фронтов в рамках подготовки к кампании против Японии.

За время Великой Отечественной войны верховное командование японской армии значительно укрепило свою разведывательную организацию на советском направлении. На уровне стратегической разведки основное внимание уделялось обеспечению непрерывности и устойчивости поступления информации от агентурной сети польской, эстонской и финской военных разведок, для чего японским военным атташатам в Германии, Румынии, Швеции и Финляндии выделялись существенные финансовые и кадровые ресурсы. Значительное развитие получило сотрудничество Японии со странами фашистского блока во взломе советской военной и дипломатической шифропереписки, в результате чего к концу войны до 90% информации ГШ о советских войсках в Забайкалье, на Дальнем Востоке и в МНР приходилось на органы радиоразведки. Специальное информационное управление Квантунской армии читало главным образом закрытые 3-х и 4-значными шифрами с перешифровкой телеграммы в звене «дивизия – корпус», но шифропереписка на линиях связи «Ставка – фронт (армия)» не была дешифрована.

На уровне оперативной разведки реорганизация коснулась, в первую очередь, разведорганов Квантунской армии. С 1941 по 1945 г. их штаты выросли в 5 раз (с 356 до 1 725 человек), были развернуты центральная разведывательная школа в Имяньпо, специальный авиадесантный отряд и 2 партизанских отряда фронтового подчинения⁶. Однако основу агентурного аппарата разведорганов Квантунской армии с середины 1930-х гг. составляли китайцы (до 85 %), переброска которых на территорию советского Дальнего Востока не приносила желаемых результатов. Попытка армейской разведки организовать в 1943 г. вдоль Транссиба сеть радиофицированных резидентур из русских агентов для наблюдения за воинскими перевозками в случае войны не увенчалась успехом, поэтому в агентурной работе она полагалась на малонадежную маршрутную агентуру, сообщения разведчиков-дипкурьеров и сотрудников легальных резидентур под прикрытием консульств Маньчжоу-Го в Благовещенске и Чите.

Хотя военная разведка Японии не располагала информацией о достигнутом на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. соглашении о вступлении СССР в войну против империи, она

---

⁶ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-1 (С12120966500). Л. 0016, 0042 – 0046.

своевременно вскрыла начавшуюся весной 1945 г. перегруппировку советских войск с запада на восток. Ключевую роль в получении этой информации сыграли приграничные наблюдательные пункты Квантунской армии, курсировавшие по Транссибу в качестве дикпурьеров офицеры разведки и сотрудники читинской резидентуры. С учетом транспортных возможностей Транссибирской железной дороги и оценки минимально необходимого для наступления сил, 2-е управление Генштаба Японии сделало в июле вывод о том, что Советская армия перейдет к активным действиям уже в сентябре 1945 г.

Информация военной разведки дополнялась данными разведорганов японского флота. Несмотря на то, что они действовали на советском направлении крайне ограниченными силами – военно-морским атташом при японском посольстве в Москве, резидентурами МГШ в Берне, Сэйсине, Сеуле, Тоёхара (Южно-Сахалинске), 4 радиоразведывательными пунктами в Накаходзё, Сибата, Кайбуне (Хвемуне) и о. Шумшу – с опозданием на два месяца японская военно-морская разведка вскрыла начавшуюся в 1945 г. подготовку советской группировки войск и сил флота на Дальнем Востоке к войне с Токио. Силами и средствами радиоразведки, в частности, были установлены наращивание ВВС ТОФ и поставки боевых кораблей из США, а разведаппараты в Западной Европе, Москве и Сэйсине отслеживали переброски войск из европейской части СССР на Дальний Восток и мероприятия боевой подготовки Тихоокеанского флота.

В июле 1945 г. усилиями 3-го управления и особого отделения МГШ командование ВМФ Японии достоверно знало о неизбежности войны с СССР, однако точную дату ее начала ни военной, ни военно-морской разведкам установить не удалось, что во многом объяснялось отсутствием у них агентурных позиций в советских органах военного управления и неспособностью читать шифропереписку в звене «Ставка – фронт (флот) – армия».

Советские органы госбезопасности и военной контрразведки провели весной – летом 1945 г. комплекс мероприятий по оперативному противодействию японской разведке. Подразделения военной контрразведки 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов были усилены оперативным составом с большим опытом работы в боевых условиях. Был максимально ужесточен режим охраны границы. Выдвижение войск в исходные районы проводилось под видом учений за 1–2 суток до начала наступления. Радиосети вновь прибывавших соединений работали только на прием, связь между Ставкой, штабами фронтов и армий поддерживалась с использованием машинных шифраторов, за несколько суток до начала Маньчжурской наступательной операции были сменены все шифроключи [Внотченко Л.Н. 1971, с. 134–136].

В июле 1945 г. главное командование Квантунской армии с опозданием на месяц начало проводить спешную мобилизацию разведорганов для действий в период войны. В 3 раза увеличилась численность службы радиоразведки и криптоанализа, были образованы 3 оперативных центра («особые охранные отряды») и 5 партизанских отрядов. Однако закончить мобилизацию и слаживание разведорганов штаб армии не успел, в связи с чем подавляющее большинство из них после начала войны не сумело наладить получение достоверной информации о советских войсках и развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу Красной армии.

По линии военно-морской разведки Японии основной поток сведений о десантных операциях Тихоокеанского флота в скоротечной советско-японской войне в связи с эвакуацией сэйсинской резидентуры в Гэндзан и изоляцией консульств во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском поступал в МГШ от радиоразведки, однако ее информация существенного влияния на ход боевых действий не оказала.

После капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. ее разведывательное сообщество на некоторое время прекратило свою деятельность, однако в начале 1950-х гг. возобновило работу, в том числе против СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. Москва: Воениздат. 1971.

REFERENCES

Vnotchenko, L.N. (1971). Pobeda na Dal'nem Vostoke. Voенно-istoricheskii oчерk o boevykh deistviyakh sovetskikh voisk v avguste – sentyabre 1945 g. [Victory in the Far East. A Military Historical Essay on the Combat Operations of the Soviet troops in August–September 1945]. Moscow: Voenizdat. (In Russian).

* * *

Ariga, Tsutao. (1994). *Nihon rikukaigun-no johо kiko to sono katsudo* [Intelligence Agencies of the Imperial Japanese Army and Navy and Their Activities]. Tokyo: Kindai bungeisha. (In Japanese).

Kaigun seido enkaku. Hi. (1941). [The Development of the Organization of the Navy. Secret]. Vol. 2. Tokyo: Kaigun daijin kambo. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 18.06.2024

Received: 18 June 2024

Принята к публикации: 20.10.2024

Accepted: 20 October 2024